

Ибрагимова Лейсан Галияхматовна

ВОПРОСЫ СИМВОЛИЗМА КАК ЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА В КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ НАЧАЛА XX В.

В статье устанавливаются различия в литературно-эстетической теории символизма, которая складывается в трудах русских и татарских поэтов, писателей, критиков, литературоведов: А. Белого, Вяч. Иванова, В. Брюсова, Г. Сагди и др. Сделан вывод, что символизм понимается русскими символистами многозначно: это и теория символического выражения духовного мира в искусстве, и путь в этот духовный мир, литературное направление и т.д. В татарской общественно-литературной мысли проблема символизма получает не столько теоретико-методологическое осмысление, как в русской критике и эстетике начала XX века, сколько художественно-эстетическую и конкретно-историческую интерпретацию. Определяется вклад Г. Сагди в осмысление символизма как явления татарского историко-литературного процесса начала XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/2-2/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 96-99. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.0:821.161:821.51:82-1/-9

Филологические науки

В статье устанавливаются различия в литературно-эстетической теории символизма, которая складывается в трудах русских и татарских поэтов, писателей, критиков, литературоведов: А. Белого, Вяч. Иванова, В. Брюсова, Г. Сагди и др. Сделан вывод, что символизм понимается русскими символистами многозначно: это и теория символического выражения духовного мира в искусстве, и путь в этот духовный мир, литературное направление и т.д. В татарской общественно-литературной мысли проблема символизма получает не столько теоретико-методологическое осмысление, как в русской критике и эстетике начала XX века, сколько художественно-эстетическую и конкретно-историческую интерпретацию. Определяется вклад Г. Сагди в осмысление символизма как явления татарского историко-литературного процесса начала XX века.

Ключевые слова и фразы: символизм; символ; модернизм; татарская литература; культура.

Ибрагимова Лейсан Галияхматовна

Казанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ
leysan-tam@yandex.ru

ВОПРОСЫ СИМВОЛИЗМА КАК ЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА В КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ НАЧАЛА XX В. ©

Символизм по мере своего развития открыто заявлял о себе как о новом миропонимании, которое стремится постичь мир как целое, во всей его бесконечности и глубине. Русские символисты с необычайной остротой были захвачены чувством бесконечности мира, как и бесконечности внутренней жизни человека. Новое искусство должно было стать искусством синтеза, символа, а символ, в свою очередь, знаком глубинно-сущностного, сокрытого и беспредельного бытия. Теорию символизма разрабатывали в своих статьях А. Белый, Вяч. Иванов, В. Брюсов и др. символисты.

В русском символизме выделяются две главные тенденции: художественный символизм как самостоятельное направление в искусстве, как эстетическая концепция, а также символизм как миропонимание и специфическая философия жизни.

В. Брюсов впервые высказал свои взгляды по теории символизма в предисловиях к сборникам «Русские символисты» (1894-1895), в ряде ранних статей и – далее – в предисловиях к книгам «Шедевры» (1895), «Это – я» (1897), «Третья стража» (1900). Рассматривая художественный символизм как самостоятельное направление в искусстве, поэт определяет истинное назначение искусства – «постижение мира иными, не рассудочными путями» [2, с. 100]. Символизм, прежде всего, искусство выражения особых движений души, ее разнообразных и новых настроений, «тайн духа».

Художественное творчество А. Белого неотделимо от его философских исканий, от теоретического обоснования символизма. В своих научных трактатах, статьях, художественных эссе и рецензиях он стремился разработать теорию символизма как целостного миропонимания. По мнению А. Белого, перед символистами стояла огромная задача: найти теоретический смысл движений в искусстве последних десятилетий уходящего века, подвести им итог, найти связь между «новым» и «вечным», беспристрастно пересмотреть все догматы прошлого, связанные с искусством. Таким образом, смысл новых движений в искусстве сводился к выработке оригинальных приемов творчества, а также к углублению понимания всего прошлого в искусстве.

Говоря о смысле эстетики символизма, А. Белый в книге «Символизм как миропонимание» подчеркивает, что со стороны идейного содержания символическое искусство не является новым, ибо в большинстве случаев сочетает старые приемы художественного творчества, например, художественные приемы различных культур. «То действительно новое, что пленяет нас в символизме, есть попытка осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур...» [1, с. 59].

Представление о «цельном мировоззрении», в котором нет антиномии научного и художественного мышления, точного и гуманитарного знания, А. Белый связывал с категорией символа. Творческий символ как «живой образ-модель» воплощает в себе единство психических деятельностей – чувствования, воли и мышления. Поэтому художественный символ не исчерпывается идеей, хотя ее и выражает, не сводится к эмоции и воле.

Символическая школа поэзии провозгласила единство формы и содержания символов искусства. Символисты отталкивались от идеи о том, что человек живет в двух мирах: феноменальном мире природной необходимости и ноуменальном мире нравственной свободы [Там же, с. 14]. С одной стороны, он часть мира, «постигаемого чувствами», где все детерминировано, где характер человека определяет его склонности, страсти и условия, в которых он действует. Но, с другой, помимо этой эмпирической реальности у человека есть иной, сверхчувственный мир, в котором «невыразимое, сверхчувственное, неадекватное внешнему слову» можно передать лишь с помощью «намека» [Там же].

Исходя из традиционной для русского символизма этимологии слова «символ», Белый утверждает, что символ указывает на результат «органического соединения» чего-либо с чем-либо, то есть более высокого уровня

соединения. Символ принципиально неоднозначен и не формализуем на логическом уровне. При этом Белый усматривал в символе некий бытийственный смысловой абсолют, к которому равно возможны и равно недостаточны подходы как со стороны традиционной философской гносеологии, так и со стороны онтологии [Там же, с. 76].

Согласно философии Вяч. Иванова, символы имеют божественное происхождение и принадлежат божественной действительности. Они обладают самостоятельным бытием и наделены комплексом значений, по-разному раскрывающихся на различных уровнях бытия и сознания. Наиболее полное выражение они находят в мифе.

Вяч. Иванов различал два типа символизма: реалистический и идеалистический. Главная задача реалистического символизма – «вызвать непосредственное постижение сокровенной жизни сущего снимающим все пелены изображением явного таинства этой жизни» [5, с. 549]. Идеалистический же символизм не интересуется глубиной действительностью. Он ограничивается изобретением утонченных художественных средств для передачи субъективных переживаний художника зрителю или читателю его произведений [Там же, с. 552].

В работе «Символика эстетических начал» Вячеслав Иванов разрабатывает концепцию восхождения/нисхождения как важнейших эстетических категорий в иерархии символов. Говоря о роли категории «возвышенного» в искусстве, он отмечает, что, представленное восхождением, оно по существу своему выходит за пределы эстетики как феномен религиозный. Следующая категория – нисхождение – символизирует дар духовных таинств человеку. Здесь выявляется неразрывная связь этического и эстетического, где добро и красота в некоторой степени тождественны [6, с. 826].

Общее понимание символа по Вячеславу Иванову сводится к тому, что символ есть знак, или означенное. То, что он означает, или знаменует, не есть какая-либо определенная идея. Ему присущи многозначность и многосмысленность в различных сферах сознания, ориентированного на тот или иной уровень бытия. И в то же время степень раскрытия символа зависит от человека, его постигающего: «... в разных сферах сознания один и тот же символ приобретает разное значение» [5, с. 537].

В татарском литературоведении модернизм представляет собой предмет серьезного и глубокого исследования современных ученых. Полемичными являются вопросы о временных границах модернизма, условиях его возникновения и, наконец, о правомерности выделения среди разнородных литературных явлений модернизма как самостоятельного литературного течения. Понятие «модернизм» долгое время расценивалось как «чужое», а произведения писателей-модернистов воспринимались через призму таких направлений, как реализм и романтизм, интерпретировались как ориентированные на решение актуальных социальных проблем [4, б. 43]. Высказываются две точки зрения о времени возникновения и развития модернистских течений в татарской литературе. Согласно первой точке зрения, формирование модернизма в татарской литературе происходит в последнюю треть XX века [7, с. 5]. По мнению других исследователей (например, Д. Ф. Загидуллиной [4, б. 11-12]), в татарской литературе уже начала XX века формируется качественно новый тип художественного мышления, который находит свое выражение в характерных для европейских модернистских течений закономерностях организации субъективной сферы, отражающих сближение субъектных планов автора и героя.

Причина дискуссионности проблемы модернизма в татарской литературе XX в. заключается в следующем. Понятие «модернизм» в творчестве татарских авторов противоречит устоявшемуся мировоззрению, привычной картине мира, соответствующей мусульманским законам миропорядка, противостоят традициям, концентрирующимся в правилах, которые определяют тематику и средства выражения. Но Д. Ф. Загидуллина [4], Ю. Г. Нигматуллина [7] и др. исследователи подчеркивают, что на рубеже веков в татарской литературе возникают новые философско-эстетические и литературно-художественные тенденции, требующие определенной систематизации, характеристики и научно-теоретического осмысления.

В татарской общественно-литературной мысли проблема символизма получает не столько теоретико-методологическое осмысление, как в русской критике и эстетике начала XX века, сколько художественно-эстетическую и конкретно-историческую интерпретацию. Вопросы о философских категориях, поднимаемые в статьях и монографиях татарских писателей и критиков, зачастую приобретают форму политических призывов для решения национальных вопросов [4, б. 23]. Общественно-культурная мысль начала XX века чаще сводится к раздумьям о нации, о трансформации татарской культуры. Основные споры, касающиеся новых веяний в литературе и сознании татарского общества, сконцентрированы вокруг таких выдающихся деятелей, как М. Ханафи («Бытие и философия» (1913), «Женщина – кто?» (1914), «Преступление и наказание» (1915)), Г. Сагди [8], Х. Каримов («Литература ждет перемен» (1913)), Ф. Сайфи-Казанлы («Футуризм» (1914)), Н. Думави («Одно суждение» (1915)), Г. Нигмати («На литературной арене» (1925)) и др.

Значительный вклад в теоретико-литературное осмысление модернизма как явления татарской литературы этого периода внес выдающийся татарский ученый Г. Сагди. В монографии «Символизм турында» («О символизме» (1932)) история татарской литературы освещается как история литературных течений (по терминологии ученого – «стилей»). В ней впервые романтизм и модернизм как литературные направления изучаются в контексте восточной и западной литератур. Автор не только утверждает существование в национальной литературе романтизма и модернизма, но и рассматривает эти явления как результат взаимодействия разных начал: традиций восточной и западной культур, философии, эстетики, религии, общественной мысли. По мнению Г. Сагди, литературные течения возникали как антитеза друг другу: классицизму противостоял романтизм, романтизму – реализм, натурализм, а им – символизм [Ibidem, б. 10].

После 1920-х гг. Г. Сагди активно интересуется модернистскими течениями в татарской и мировой литературе, исследуя их в широком сравнительно-историческом и типологическом плане. Говоря о смысловом

наполнении понятия «символизм», Г. Сагди в монографии «Символизм турында» обращается к понятию «романтизм», определяя символизм как последнюю стадию романтизма. Границу между этими явлениями в литературе ученый считает весьма зыбкой и прозрачной. «Романтизмның соңгы ноктасына барып життеңде инде, шунда символизмның ярына килеп житкән буласын» [Ibidem, б. 23] / «Достигнув крайней точки романтизма, коснешься грани символизма» (перевод автора – Л. И.).

Для современного этапа исследования модернизма в татарской литературе значимой представляется попытка ученого разграничить понятия «романтизм» и «модернизм». Он выделяет признаки, отличающие эти два направления в литературе: открытость, ясность, «незавуалированность» идеи в романтических произведениях противопоставляются символистской «неоднозначности», «неясности» изображаемого мира. «Романтик шагыйрь үзнен сизгәннәрен, башыннан кичергәннәрен башкаларга ачык сиздерергә, фикерен дә томансыз итеп бирергә тырыша. Символист-шагыйрь аннан кача, томан, пәрделәр астына яшеренә, символларга төренә» [Ibidem, б. 28] / «Поэт-романтик стремится передать чувства, внутренние интенции в ясной, незавуалированной форме. Тогда как поэт-символист избегает этого, скрыв свои истинные чувства – за занавесом» символа» (перевод автора – Л. И.).

Одной из предпосылок зарождения модернизма (термин, употребляемый С. Сагди как синоним символизма) в татарской литературе ученый считает влияние восточной, русской и европейских литератур. Это способствовало тому, что в татарском символизме образовалось два крыла. Г. Сагди разделяет «восточный» и «западный» типы модернизма. Общими для них он считает следующие признаки: концептуальность, мистицизм и пантеизм, религиозное содержание символов (неорелигиозный характер символизма), придание поэту-символисту статуса сверхчеловека, пророка, индивидуализм, построение художественных произведений на основе символических образов. Находя ряд общих черт между символистским миропониманием на Востоке и Западе, Сагди уже во введении выдвигает тезис, согласно которому в каждой национальной литературе то или иное направление приобретает характерные ей особенности. Это является основной идеей, в контексте которой исследователь рассматривает символизм.

На примере творчества двух ярких татарских поэтов – С. Рамиева («Обманутый», «Я умираю», «Минуты», «Человек», «Жизни» (1907-1910)), как представителя «восточного крыла», и Дардменда («Мы», «Корабль», «Дули ветры по стране...», «Эпоха» (1906-1908)), как представителя «западного» модернизма, – Г. Сагди определяет основные различия между этими двумя течениями в татарском символизме. Для творчества Дардменда, по мнению Г. Сагди, характерны такие черты, как идеалистический монизм, стремление передать чувства посредством ритмического благозвучия поэтического слова, активность в желании донести свои мысли до читателя, которые противопоставляются безграничному индивидуализму и солипсизму С. Рамиева.

Устойчивыми признаками «восточного» модернизма автор считает мотивы суфийской философии (религиозно-философское учение о правилах поведения и послушания человека, «взыскующего истины и стремящегося к ее постижению» [9, с. 4]) и философии гисьянизма (идейно-эстетическое направление в восточных литературах, в основе которого самовозвеличивание лирического героя, «осознание человека мерой всех вещей, центром Вселенной» [3, с. 121]). Анализ творчества Дардеменда, Н. Думави («Водяная» (1915)), М. Гафури («При лунном сиянии» (1913), «Любовь» (1914)) и др. свидетельствует, по мнению ученого, о влиянии суфийской философии на мировоззрение поэтов.

Говоря о «западном крыле», Г. Сагди приводит в пример творчество С. Рамиева, Х. Такташа («Лесная девушка», «Тени» (1921-1923)), М. Ханафи («В безумии», «Откуда? Куда?» (1913-1916)), Г. Рахима («Весенние истории», «Таинственная история» (1913-1915)), Ф. Амирхана («Счастливые минуты» (1912)), Г. Губайдуллина («В поисках попутчика» (1916)) и др.

Таким образом, символизм понимался русскими символистами многозначно. Это и теория символического выражения духовного мира в искусстве, и путь в этот духовный мир, это и некое промежуточное бытие между материальным и духовным мирами. Становление основ символистской философско-эстетической мысли в татарской литературе происходит как на материале словесно-художественного искусства, так и на материале публицистических, критических статей, философских размышлений татарских мыслителей и теоретиков литературы. Последний пласт делает очевидными причины формирования литературы символизма в татарской культуре, пути возникновения тех или иных модернистских течений, своеобразие функционирования принципов модернизма в условиях традиций татарской литературы.

Список литературы

1. Белый А. Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с.
2. Брюсов В. Среди стихов: 1894-1927: манифесты, статьи, рецензии. М.: Советский писатель, 1990. 720 с.
3. Ганиева Р. К. Гисьянизм // Татарская энциклопедия. Казань: Ин-т тат. энциклопедии, 2005. Т. 2.
4. Заһидуллина Д. Ф. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 255 б.
5. Иванов Вяч. И. Две стихии в современном символизме // Иванов В. И. Собрание сочинений: в 4-х т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. Т. 2. С. 536-561.
6. Иванов Вяч. И. Символика эстетических начал // Иванов В. И. Собрание сочинений: в 4-х т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1971. Т. 1. С. 823-830.
7. Нигматуллина Ю. Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. Казань: Фэн, 2002. 176 с.
8. Сәгди Г. Символизм турында. М.: Центриздат, 1932. 132 б.
9. Суфизм в контексте мусульманской культуры. М.: Наука, 1989. 341 с.

QUESTIONS OF SYMBOLISM AS PHENOMENON OF NATIONAL HISTORICAL-LITERARY PROCESS IN CRITIQUE AND LITERARY CRITICISM OF THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Ibragimova Leisan Galiakhmatovna
Kazan State Medical University
leysan-mam@yandex.ru

In the article differences in symbolism literary-aesthetic theory, which is formed in the works of the Russian and Tatar poets, writers, critics, literary critics A. Belyi, Vyach. Ivanov, V. Bryusov, G. Sagdi and others, are determined. It is concluded that the Russian symbolists understand symbolism in different ways: it is the theory of spiritual world symbolic image in art, the way to this spiritual world, literary area and etc. In the Tatar social-literary thought symbolism problem doesn't only get theoretical-methodological comprehension as it was in the Russian criticism of the beginning of the XXth century, but artistic-aesthetic and concrete-historical interpretation. G. Sagdi's contribution to symbolism comprehension as a phenomenon of the Tatar historical-literary process of the beginning of the XXth century is defined.

Key words and phrases: symbolism; symbol; modernism; Tatar literature; culture.

УДК [378.016:81'271]:373.2

Педагогические науки

В статье показана роль сопоставительного метода в профессиональной подготовке будущих специалистов дошкольного образования, реализующих задачи культурно-речевого развития дошкольников-билингвов в условиях диалога культур. Обобщены особенности русского и тюркских языков как контактирующих. Обсуждаются польза транспозиции и пути преодоления интерференции.

Ключевые слова и фразы: профессиональная подготовка; контактирующие языки; сопоставительный метод; индивидуально-дифференцированный подход; интерференция.

Иванова Неонила Вячеславовна, к. пед. н., доцент

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева
ivanovaneonila@mail.ru

О РОЛИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО МЕТОДА В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОМУ РАЗВИТИЮ ДОШКОЛЬНИКОВ-БИЛИНГВОВ В УСЛОВИЯХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР©

Практическое решение задач профессиональной подготовки будущих специалистов по развитию у дошкольников коммуникативно-речевых умений на неродном языке во многом зависит от понимания необходимости и важности сопоставительного изучения контактирующих языков [3]. О сопоставительном методе в языковой подготовке подрастающего поколения говорили ведущие языковеды как отечественных, так и зарубежных педагогики и языковеды. Для нас наиболее значимыми являются исследования А. А. Реформатского, а именно его мысль о прагматическом значении сопоставительного метода (определение прикладных и практических целей) [8].

Профессиональная подготовка будущих специалистов в вузе усложняется неоднородностью контингента студентов. Как показало исследование, из 79-ти человек, принявших в нем участие, 50 – чувашскоязычные со знанием русского языка, 23 – русскоязычные, не владеющие чувашским языком, 3 – татароязычные со знанием русского языка [2]. Очевидно, что контактирующими языками становятся чувашский, русский, туркменский. Известно, что каждый язык обладает своей системностью. Поэтому для педагога высшей школы, имеющего дело с носителями данных языков и культур, главным тезисом в образовательной деятельности должна стать, по нашему убеждению, глубокая мысль А. А. Реформатского о том, что сопоставление фактов одного языка с фактами другого необходимо для устранения возможностей давления системы родного языка, так как она оказывает сильное воздействие на изучение чужого языка и вхождение в чужую культуру [8, с. 40-52]. В этих условиях подготовка специалистов должна быть построена на основе индивидуально-дифференцированного подхода с усилением культурно-языкового аспекта становления их профессиональной компетентности [5].

Известно, что по своим морфологическим признакам русский, чувашский и туркменский языки относятся к различным группам. Русский язык относится к славянской группе, чувашский и туркменский – к тюркской. Главной особенностью славянских языков является то, что в них разные формы слов образуются путем внутренней или внешней флексии, грамматические отношения выражаются порядком слов, вспомогательными словами. Грамматические формы образуются посредством присоединения к основе аффиксов, при этом невозможно употреблять в чистом виде основу без аффикса в самостоятельном значении. Аффиксы могут показывать несколько грамматических значений. В тюркских языках словоизменение и словообразование